

Эту землю оставили под пар — по сути, забросили. Если возделывать один и тот же надел года два-три без хороших удобрений, почва истощается, и сеять на ней становится бессмысленно — хорошего урожая всё равно не собрать. Вот и приходится давать земле отдых: за несколько лет она успевает зарости травой и кустарником, которые потом вырубают, сжигают и заделывают золу в почву в качестве подкормки. Только тогда можно снова браться за плуг.

Зато на таких залежах, пустовавших года три-четыре, в густых зарослях кустарника обожали селиться фазаны и дикие кролики. Гоудань, хоть и рос не по годам смыслённым и ловким, оставался обычным мальчишкой, которому ещё не исполнилось и десяти. Разве рискнул бы он соваться в настоящую глухую тайгу? А эти пустоши подходили ему как нельзя лучше — они заменяли местной детворе постарше собственный заветный сад.

Сюда бегали за дикими ягодами и лазили по деревьям в поисках птичьих гнёзд.

— Дачжуан, сзади, сзади лови! Не упусти его!

Ребята растянулись живой цепью, пытаясь окружить зайца. В таких набегах заводилой всегда был Гоудань. По округе разносился залиvistый лай и звонкие ребячьи крики, поднимая с насиженных мест фазанов и кроликов. Перепуганное зверьё бросалось наутёк, но обмануть чуткие собачьи носы было не так-то просто.

— Чжумао-эр, гляди направо!.. Дафу, да не стой ты столбом!

Сам Гоудань летел стрелой, да что толку, если остальные приятели отставали и зевали на ходу? Стоило кому-то замешкаться на секунду, как добыча ловко проскальзывала сквозь брешь. Дикий зверь мастерски уходит от погони — упустишь миг, и второго шанса выследить его уже не представится.

И у зверя, и у человека в этой игре был лишь один шанс. Ошибётся охотник — напрасно потратит силы. Свернёт не туда зверёк — окажется в силках.

Гоудань злился. Без Ван Сюаня, с непривычными к делу ребятами, слаженной охоты не получалось.

Остальные тоже чувствовали себя виноватыми и обиженными. Мы ведь встали там, где ты велел! Кто же знал, что заяц к нам не побежит? А стоило одному броситься наперерез, как остальные тоже сорвались с мест, спугнув остальное зверьё, затаившееся в траве. Цепь рассыпалась, загородить проход не вышло. Да и откуда взяться опыту? Мальчишки просто повторяли то, что когда-то видели у взрослых.

К тому же собаки, которых они прихватили из дома, только путали карты. Обычные дворовые псы, привыкшие лишь стеречь ворота, в роли гончих оказались совершенно бесполезны. Они лаяли невпопад, заранее выдавая присутствие людей, так что чуткие зверьки разбегались задолго до приближения загонщиков.

Домашние псы, редко выбиравшиеся за околицу, ошалели от свободы. Они носились сломя голову, с громким лаем облаивали каждую пичужку, а заметив выпрыгнувшего из травы кузнечика, принимали грозные боевые стойки. То и дело они с высунутыми языками убегали совсем не туда, куда нужно, и ребятам приходилось отвлекаться, зазывая их обратно, чтобы те окончательно не потерялись. Ну как тут охотиться?

Гоудань извёлся окончательно. Всё шло совсем не так, как он задумывал. Вдвоём с Ван Сюанем они порой возвращались с куда более богатой добычей, а тут целая орава — и такой жалкий результат. Ну почему толпой получается хуже, чем в одиночку?

Ван Сюань видел, как досадует его друг. Он легонько похлопал Гоуданя по плечу.

— Будет тебе, не сердись, — мягко улыбнулся А-Сюань. — Подумай сам, разве кто-то из них умеет бегать так же быстро, как ты? К тому же, упустив добычу, они расстроились ещё сильнее твоего.

Гоудань взъерошил вихры на затылке и одним привычным движением свернул шею пойманному фазану. Это была вся их добыча за полдня трудов. Ребята виновато переминались с ноги на ногу, не зная, куда деваться от хмурого взгляда вожака. Заметив их неловкость, Ван Сюань широко улыбнулся и скомандовал расчистить поляну: пора было разводить костёр.

Помимо фазана, которого загнал Гоудань, у них нашлось несколько клубней батата — правда, уже старого, начавшего волокниться изнутри.

Пока Гоудань валялся в траве, хмуро разглядывая плывущие по небу облака, Ван Сюань распределил обязанности: кому собирать валежник, кому раздувать пламя.

Детворе сообразительности было не занимать. Понимая, что ужин целиком заслужен Гоуданем, мальчишки наперебой хватались за работу — никто не отлынивал.

Вскоре вокруг весёлого костра сидели оголодавшие за день ребята. Глаза у всех лихорадочно блестели, слюна текла рекой, но пойти против уговора никто не решался — иначе побили бы всем скопом. Даже дворовые псы умильно поскуливали, кружась поблизости.

Первым делом Ван Сюань выгреб из золы запечённый батат. Хватая горячие клубни, ребята дули на пальцы, с воплями перебрасывали их из ладони в ладонь и с аппетитным чавканьем вгрызались в сладкую мякоть.

Собаки обиженно тявкали, выпрашивая кусочек, но им перепали только обгоревшие шкурки. Впрочем, дворовые псы, привыкшие к скудному рациону, не брезговали и этим — вековая привычка подчиняться хозяину сидела в них крепко. Они не смели выхватывать еду из рук, лишь покорно слизывали брошенные очистки, заглядывая ребятам в глаза преданным, несчастным взглядом.

Зато Дагуай и Сяогуай пользовались особыми привилегиями. Пока другие собаки завистливо скулили, эти двое получали сочные кусочки вместе со шкуркой и ласковые похлопывания по лохматым головам.

От дикого фазана, прямо скажем, мясного навару было немного — сухощавый, поджарый, куда ему до жирной домашней птицы. Но добычу разделили честно: кому крылышко, кому гузку, кому лапку — обделили разве что голову. Гоудань же аккуратно завернул одну из ножек в широкий зелёный лист и отложил в сторону. Он твёрдо решил отнести её отцу.

Никто и слова сказать не посмел. Фазан был добычей Гоуданя, и хотя охотились вроде вместе, вся заслуга принадлежала ему. То, что он вообще поделился мясом с остальными, уже было невиданной щедростью.

Один из мальчишек тщательно обглодал свою косточку, несколько раз облизал пальцы, а саму кость бросил скулящему псу. Другой же, не желая упускать ни крошки, просто разжевал хрящи и проглотил целиком.

Аромат жареного на углях мяса кружил голову. Мало что на свете пахнет слаще, когда ты голоден. Но увь, пиршество быстро подошло к концу. Оставалось только облизывать пальцы да завистливо коситься на парочку особо неторопливых приятелей, которые умудрялись смаковать свои крошечные порции, растягивая удовольствие.

Тем временем на полях заколосились зерновые. Сперва побеги тянулись вверх тонкими зелёными стрелами, но постепенно колос удлинялся и наливался соком. То, насколько хорошо налётся зерно в этот период, напрямую определяло будущий урожай.

Если тяжёлые зелёные колосья клонились к самой земле, крестьяне довольно улыбались — зерно обещало быть полным. Но если стрелы безжизненно торчали в небо, это сулило беду: значит, внутри колосьев скрывалась лишь пустая шелуха. В эту пору погода капризна как никогда. Нужны были ясные, умеренно тёплые дни и вовремя прошедшие дожди. Обычно первая половина года баловала деревню стабильным теплом, поэтому яровые всегда выходили на славу — зерно к зерну, тучное и тяжёлое.

Ли Сы вернулся с работы поздно вечером. На столе его ждал обычный скудный ужин из ячменной каши и диких трав, но среди этого разнообразия в его миске гордо возвышалась... маленькая фазанья ножка!

Ли Сы застыл в недоумении:

— Сын, это... откуда? Ты где мясо раздобыл?

— Да мы с ребятами и собаками в поле дичь гоняли, — беспечно отозвался Гоудань. — Сами нажарились, а эту я тебе оставил. Ешь давай, а то у меня слюнки кусают. Не бойся, это не ворованное, сами поймали!

В деревне на детскую добычу смотрели сквозь пальцы. Ну поймала ребятня суслика или птицу, неужто отбирать и делить на всю бригаду? Стыд и срам у детей изо рта куски вырывать!

Таков был негласный закон. Но горе тому взрослому, кто решился бы втихаря приготовить дичь: тут же пошли бы толки о единоличии, расхищении народного добра и пренебрежении нуждами коллектива. Ведь в социалистической деревне каждая травинка считалась народной.

— И то мясо, что я раньше приносил, мы тоже с А-Сюанем, Дагуаем и Сяогуаем ловили, — поспешно добавил Гоудань, заметив тень сомнения на лице отца. — Честное слово! Наши псы натасканы лучше любых охотничьих, зайцев за версту чувят.

Мальчик помнил, как в раннем детстве порой таскал съестное из закромов бабки, и понимал, почему отец до сих пор относится к его добыче настороженно.

Ли Сы молча кивнул и принялся за еду, но первым же движением переложил заветную ножку в миску сына.

— Не буду я, — упрямо буркнул Гоудань, возвращая мясо обратно. — Специально для тебя берёг. Мы на пустоши досыта наелись.

В этот раз Ли Сы спорить не стал. На душе у него потеплело — сын растёт честным, не пошёл по кривой дорожке. Он с удовольствием обглодал косточку, а остатки бросил крутившимся у ног собакам.

Познания Ван Сюаня в травничестве достигли того предела, когда книжной премудрости стало мало — требовался настоящий, живой наставник. Но где его сыскать? Недавно мальчишки попытались завести разговор с врачом из коммунальной больницы, так тот их на смех поднял и за ворота выставил. Ишь чего удумали, мелюзга сопливая! Ещё читать толком не выучились, а уже в лекари метят!

Гоудань подумывал задобрить старика Чжана какой-нибудь знатной добычей и поспрашивать его. Мальчик интуитивно чувствовал, что этот пожилой профессор — человек выдающегося ума. Пожалуй, Гоудань уважал его даже больше, чем грозного дедушку Чжу. Старик Чжан никогда не отмахнулся бы от детских расспросов, всегда находил мудрые, необычные ответы. Может, именно он подскажет, как найти учителя для Ван Сюаня?

О себе Гоудань не беспокоился — ему медицинские премудрости были без надобности.

Когда Гоудань мимоходом завёл этот разговор, старик Чжан лишь слегка прищурился, пристально разглядывая мальчика. От этого изучающего взгляда Гоуданю стало не по себе. Острый звериный инстинкт подсказал: старик смотрит на него как-то странно, словно видит насквозь.

Мальчик поспешно опустил глаза, напустив на себя задумчивый вид. В голове забился тревожный звоночек — он поторопился. У него ведь есть заветная тайна, сокровище. Вещь эта, без сомнения, бесценная и опасная. Настоятель не раз строго-настрого наказывал беречь секрет пуще глаза, иначе не миновать беды. Если кто-то прознает о сокровище, мальчишек просто сотрут в порошок, да и древнее учение прервётся навсегда. Главное сейчас — держать язык за зубами. О том, что они нашли заброшенный храм, никто в мире знать не должен.

Свою нечеловеческую силу и скорость Гоудань тоже никогда не демонстрировал прилюдно, разве что казался чуть крепче и проворнее обычных сверстников. Но неужели он сейчас выдал Ван Сюаня? Ведь А-Сюань черпал свои познания о травах из той же храмовой библиотеки. Если продолжить расспросы, не поползут ли по деревне нехорошие слухи?

Быстро сообразив, к чему может привести оплошность, Гоудань постарался придать голосу детскую наивность:

— А-Сюань говорит, что лечить людей — самое благородное дело на свете. Его ведь тётка раньше часто била по голове, до крови. Он тогда чуть не помер, кабы не врач коммунальный. Вот А-Сюань и мечтает выучиться. Говорит, когда сам врачом станет, никому больше не будет так больно и страшно.

— Вот оно как, — тепло улыбнулся старик Чжан. Он не стал высмеивать детские мечты, как сделали в больнице, а воспринял слова мальчика вполне серьёзно. — А ты сам кем хочешь стать, когда вырастешь?

— Я? Рабочим на заводе хочу быть!

Заметив, что старик Чжан с любопытством ждёт продолжения, Гоудань торопливо пояснил:

— Рабочим хорошо! Каждый месяц и зарплату платят, и паёк зерновой выдают. Захочешь конфет — покупай сколько влезет, и спину на колхозном поле гнуть не надо. У нас в деревне все говорят: если в город на завод устроишься, считай, жизнь удалась, предки на небесах радоваться будут.

— И зачем тебе эта заводская гарь? — вмешался в разговор старик Чжу, как раз проходивший мимо. — Работа, конечно, почтенная, но из тебя вышел бы отличный солдат. Поверь моему опыту, парень, ты рождён стать самым острым клинком. Вот где твоё истинное призвание! Армия из тебя человека сделает, да и жалованье там приличное, почёт на всю страну.

— Клинок, хоть и остёр, сам собою владеть не может, — негромко заметил старик Чжан.

С характером этого мальчишки становиться бездумным оружием в чьих-то руках было бы чистым безумием. Впрочем, профессор не стал развивать мысль. Он был человеком одиноким, без жены и детей, доживающим свой век в ссылке. Гоудань казался ему забавным малым, с которым приятно перекинуться парой слов, но брать на себя ответственность за судьбу чужого

ребёнка он не собирался. Что они друг другу? Так, случайные попутчики на жизненном пути.

Замолчав, старик Чжан с мягкой улыбкой наблюдал, как его приятель Чжу увлечённо расписывает Гоуданю прелести армейской службы: и про настоящие пушки-пулемёты рассказывал, и про парады в столице. «Защита Родины — вот долг настоящего мужчины!»

Лишь когда мальчик скрылся из виду, старик Чжан не спеша обронил:

— Гоудань ведь единственный сын в семье.

По старым правилам, если в семье рос единственный кормилец, родители костями ложились, но в армию его не пускали. Да и призывные комиссии старались не брать единственных сыновей без крайней нужды. Официального запрета не было, но негласное правило чтили свято.

Старик Чжу лишь досадливо крикнул. Спорить тут было не о чем: даже в офицерских семьях младших или единственных сыновей старались по возможности уберечь от передовой.

После этого разговора Гоудань на несколько дней забыл дорогу к старикам. Вместо этого они с Ван Сюанем целыми днями пропадали на дальних склонах: собирали съедобные травы, а заодно выкапывали лекарственные корешки. Всю ценную добычу они незаметно прятали в сокровище, подальше от чужих глаз.

Гоудань честно признался другу, что сглупил с расспросами. Ван Сюань полностью его поддержал: к старикам сейчас соваться не стоит. Если кто спросит, почему не приходят, ответ один — дома запасы кончились, приходится целыми днями собирать дикую зелень, чтобы с голоду не пухнуть.

Действительно, они повели себя слишком опрометчиво. Обычные деревенские мальчишки, едва научившиеся складывать слоги по букварю, вдруг заводят разговоры о поиске медицинского наставника! С чего бы вдруг? Местной детворе лишь бы носиться без забот по улицам, их мирок ограничен околицей, откуда у них возьмутся мысли о высоком призвании? Да ещё в таком нежном возрасте!

«Похоже, я их недооценил, — думал Гоудань, вспоминая интересные истории стариков. — Заслушался сказками и позабыл, кем эти люди были до ссылки. Раз их сам Председатель отправил на перевоспитание в глушь, значит, они птицы высокого полёта. А то и вовсе опасные заговорщики!»

«Я тоже так думаю, — согласился Ван Сюань, аккуратно складывая выкопанные корни. — Они явно из тех непростых взрослых, о которых говорил Настоятель. Время сейчас смутное, так что лучше держаться от них в стороне»

Гоудань согласно кивнул. Нужно прилежно учиться и не высовываться. Они ещё слишком малы. Время придёт, и они обязательно вырвутся из этой глуши, увидят огромный мир. А пока лучше прослыть обычными послушными ребятишками.

Эта мысль отрезвила мальчика. Прежний восторг перед рассказами о далёких городах поутих; нет, желание увидеть мир не пропало, но теперь Гоудань не собирался метаться как слепой кутёнок. Нужно запастись терпением.

Учитывая их юный возраст и невероятный секрет, который они хранили, каждый шаг следовало трижды обдумывать. К счастью, расспросить они успели немного. А если захочется послушать истории о дальних странах — они и сами прекрасно помнили всё, что рассказывали старики. Память у обоих после тренировок в храме стала феноменальной: стоило услышать что-то один раз, как слова сами укладывались в голове до мельчайших подробностей. Работая в поле или у костра, мальчишки часто пересказывали друг другу старые предания, обсуждая удивительные чудеса далёкого внешнего мира.

<http://bllate.org/book/19654/1996703>